

- А-а-а-а!!!

Перед глазами Дин И все залилось кроваво-красным. Дикая боль и паника заставили его вскрикнуть. Огромное чувство смертельной опасности окутало его. Он инстинктивно попятился назад, но в душе бушевало нежелание сдаваться.

На ощупь он швырнул летающий коготь, но промахнулся. Раздался глухой удар – коготь вцепился в глазницу чёрного каменного черепа с изумрудом, слегка расшатав «драгоценность», но так и не сумел вытащить её целиком из пасти огромной рыбы.

Когда коготь вернулся, в его захвате был лишь изумруд и кусок чёрного камня с частью глазницы. Дин И не осмелился взять его руками и в панике затолкал находку в герметичный золотой ларец – изначально предназначенный для его собственного «лица-демона», начертанного на спине.

Даже это простое действие стоило ему ногтей, которые отвалились, как бумага, а кожа на пальцах потрескалась, покрываясь кроваво-красными, гноящимися язвами.

- Больше нельзя медлить...

Смертельная угроза наконец победила жадность. Дин И поспешно отступил от озера, но его состояние было уже ужасающим. Хотя под ногами была твердая земля, он шатался, словно шёл по болоту, голова была тяжелой, а ноги – ватными.

Нестерпимый зуд смешивался с болью, всё тело будто горело в жару, но сам он чувствовал лишь ледяной холод, его била дрожь.

Не жалея очков, он купил у «Агентства» универсальное лечебное зелье. Выпив половину, он залил остальное в распылитель и обработал всё тело. Дорогуший эликсир за 5000 очков – и он потратил два флакона, прежде чем безумный зуд немного ослаб.

- Вот же сука...

Дин И выругался, с яростью вспоминая слова наследника орлиной флейты: «Драконий Бог – источник четырёхсот болезней этого мира. Если он разгневается, то посеет семена чумы среди людей».

Раньше он не придавал этому значения: всё-таки это сложное, но без сверхъестественного элемента, Путешествие. Четыреста болезней – наверное, просто вирусы и бактерии, которые носит в себе драконья рыба.

Да и вообще, этот болтун с флейтой несёт чушь! Он же сказал, что если принести достаточно жертв, рыба отгрызёт кости царя Шангшунга. Дин И лично видел, как рыба, проглотив дары, начала кашлять – но в итоге так ничего и не отдала! Чистой воды обман!

Если бы он не посветил в пасть мощным фонарём, то даже этот чёрный череп не увидел бы. Получается, всё зря?! При одной этой мысли жажда наживы снова зашевелилась в груди. Раз уж он всё равно пострадал, тогда, может, стоило рискнуть и вытащить весь череп, а не несколько жалких осколков?

Но взгляд, брошенный на озеро Дангрэн-Юнцо, развеял сомнения. Рыба исчезла в глубинах, а на берегу остались лишь грязные пятна крови и следы разрушения.

Дин И, покачиваясь, собрался уходить, но после первого шага остановился. Его лицо искажали противоречивые эмоции, пока, наконец, он не развернулся с гневным ворчанием и не пошёл обратно к воде.

- Интересно, остались ли у Дин И очки на уборку этого дерьма?

Мао Сяолэ, потягивая колу со льдом, заедал её куриными ножками, смакуя зрелище изуродованного лица Дин И.

- Как минимум понадобится антисептик, средство против радиации... Да и те два флакона универсального зелья, наверное, опустошили его кошелёк.

- Не переживай, он не сможет выжать очки из Саньшуй. Ты вообще представляешь, чтобы этот парень дал себя обобрать?

Ван Пэнпай, хотя и держал в руках ведро курицы, всё же обладал нормальным вкусом. Вид Дин И, покрытого язвами и напоминающего оживший труп, отбил у него аппетит.

- Позорище. Хотя бы плащом бы прикрылся... - пробормотал он, лениво жуя картошку фри.

Путешествия «Агентства» происходят в реальном мире, и, поскольку большинство связаны с запретными зонами, участники сталкиваются с множеством факторов, способных повлиять на окружающую среду. Сверхъестественные маршруты в этом плане проще - убитые призраки или Короли Демонов не оставляют экологического следа.

Но в случае Северного Тибета, где нет паранормальных элементов, чёрный череп с изумрудом из чрева драконьей рыбы - это настоящая радиационная и биологическая бомба.

Рядом с Дангрэн-Юнцо находится деревня Венбу. Если не убрать последствия, может вспыхнуть эпидемия. Тут уже не получится полагаться на совесть гидов или путешественников. К счастью, в «Агентстве» есть негласное правило: если Дин И мог устраивать кровавые жертвоприношения у озера, не привлекая внимания местных жителей или властей, то теперь он обязан убрать за собой.

Даже если каждое потраченное очко будет для него как нож в сердце. А если очков не хватит - всегда можно взять кредит у «Агентства».

Впрочем, зрителей трансляции это не волновало. В чате сейчас бушевали споры:

Почему Дин И, который просто провёл ритуал и посветил фонарём, получил в ответ лишь чёрный череп, а Вэй Сюнь вчера вообще издевался над рыбой - отбирал жертвы, ослеплял её, да ещё и вместе со снежным барсом оставил ей кучу ран - и вышел сухим из воды?

Выглядело так, будто Дин И действительно несправедливо обидели.

[К красавчикам и уродам отношение разное. Даже зверь понимает, что Вэй Сюнь - загляденье!]

[Талант - он и в Африке талант. Дин И - жаба, возжелавшая лебедя. Получил по заслугам!]

Мао Сяолэ, скрыв свой ник, с радостью подливал масла в огонь, безумствуя в чате. Многие поддавались его влиянию, но были и трезвые головы.

[Анализ ситуации]

1. Разница в подходах. Судя по костям у деревни Нань, кто-то давно тайно подкармливал драконью рыбу. Она привыкла к людям и не ожидала подвоха. Вэй Сюнь внезапно ударил её, ошеломил, но рыба, возможно, всё ещё ждала угощения.

2. Титул Вэй Сюня «Дикий Дух» повысил её терпимость. Даже если раньше рыбу держали в неволе, после падения царства Шангшунг она долго жила в дикой природе.

3. Снежный барс. В тибетских легендах это священное животное, ездовой зверь богов. Возможно, между барсом и драконьей рыбой существовала особая связь.

4. Вчера Вэй Сюнь лишь ослепил рыбу и разжал ей пасть. Из-за клейкого вещества она и так должна была её открыть после поглощения жертв. Основные раны рыбе нанёс барс.

А Дин И нарвался на агрессию. Рыба уже озлобилась на людей после вчерашнего, его змеи и «лицо-демон» только разозлили её сильнее. И, самое главное – рыба УЖЕ отдала Вэй Сюню мокрый труп и череп. Разозлённая, она не стала выдавать ничего ценного.

P.S. Это анализ Бай Сяошэна. Я всего лишь скромный пересказчик.

- Брр, Бай Сяошэн опять отвлекается от Врат Солнца Инков, – фыркнул Мао Сяолэ, видя, как чат заполняют восторженные комментарии «Гений Бай Сяошэн!», «Прозрел!», «Всё так и есть!».

- Ну, капитан же там, – ухмыльнулся Ван Пэнпай. – Старина Бай холоден с виду, но внутри – пылкое сердце. Он не мог не переживать.

- Да ладно, капитан с нашим учителем Вэем отлично проводят время, – закатил глаза Мао Сяолэ. – Два «Диких Духа» прилипли друг к другу. У меня даже впечатление, что Вэй Сюнь хочет забрать барса домой.

- Интересно, правда ли, что два «Диких Духа» усиливают эффект? – задумался Ван Пэнпай. – Мне кажется, капитан стал немного спокойнее. Может, теперь не придётся лезть в Путешествия 30-й широты?

- Сомневаюсь. Даже Звездочёт говорил: чтобы облегчить состояние капитана, нужно собрать как можно больше фрагментов бабочки Марии.

Мао Сяолэ покачал головой.

- Перед походом в Тибет капитан вообще не мог спать, убийства тоже не помогали. Одна пятая фрагментов – недостаточно. Чем больше, тем лучше.

- Да уж...

Ван Пэнпай вздохнул:

- Если бы не то, что Северный Тибет – это всего лишь сложный уровень Путешествия, а не сверхопасный, глядя на то, как Вэй Сюнь действует, я бы подумал, что он вот-вот создаст новую тридцатую параллель.

Мао Сяолэ, едва заговорили о том, что Саньшуй, возможно, затевает что-то грандиозное, тут же оживился и с энтузиазмом добавил:

- А вдруг это и правда возможно?

Хотя это Путешествие в Северный Тибет вряд ли сразу откроет новую тридцатую параллель, найти важные зацепки – более чем реально! Их команда «Возвращение» ради поисков новых следов тридцатой параллели совершала поездки в Тибет как минимум шесть-семь раз в год. Каждый из них настолько хорошо изучил все исторические хроники и легенды Тибета, что мог пересказать их с закрытыми глазами.

Большинство тибетских летописей берут начало в VII веке, когда Сонгцэн Гампо отправил шестнадцать талантливых юношей в Индию изучать санскрит. Пятнадцать из них погибли на чужбине, и лишь один вернулся обратно в Тибет, где, объединив санскрит с местным письмом, создал тибетскую письменность.

С тех пор у тибетцев появилась своя письменность, и история наконец стала фиксироваться. Но история всегда принадлежит победителям. На самом деле ещё до VII века на Тибетском нагорье существовала огромная и могущественная империя – царство Шангшунг. У него была своя письменность – язык Шангшунг, а государственной религией являлся бон. Территория древнего Шангшунга простиралась от западного Тибета до северной Индии и даже Пакистана.

Однако в VIII веке Тибетская империя уничтожила Шангшунг. Согласно документам из Дуньхуана, сестра Сонгцэн Гампо – Сайма Га – вышла замуж за последнего царя Шангшунга, Ли Ми Сю, став его наложницей. В сговоре с братом она организовала убийство царя во время ритуала у озера. Тибет завоевал Шангшунг, тибетский буддизм вытеснил религию бон, а история царства канула в небытие под колёсами времени.

Согласно историческим записям, в период наивысшего расцвета древнее царство Шангшунг делилось на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю. Каждая часть включала в себя десятки тысяч семей, а общая численность населения достигала миллиона.

Верхняя часть располагалась к западу от горы Кайлас и включала территории Персии, Ладакха и Балти. Столицей был город Кьонглунг Нулкхар.

Средняя часть простиралась к востоку от Кайласа, охватывая восточную часть Нгари и западную часть Нагчу. Её столицей был Данг-Рак Чунгцун.

Именно эти руины Шангшунга и отправились исследовать Вэй Сюнь и его группа.

Однако если в Кьонглунг Нулкхаре уже обнаружили огромный некрополь с почти 1800 захоронениями на площади более ста тысяч квадратных метров, где нашли множество керамики, каменных, железных и костяных изделий (включая бронзовую двуликую статую божества), то на горе Чунцун от Шангшунга остались лишь полуразрушенные крепостные башни да остатки каменных стен.

Подземные тоннели, дворцы – всё рассыпалось под ударами ветра, и от былого величия не осталось и следа.

Обычно именно в таких местах, где обычные люди не могут найти ничего значимого, чаще всего скрываются сверхъестественные силы. Такие локации должны привлекать особое внимание команд и гидов.

Но большинство высокоопасных маршрутов в Тибете сосредоточены вокруг Кайласа и Джомолунгмы. Путешествия, связанные с Северным Тибетом, сами по себе редки, и большинство из них даже не достигают уровня опасных. Из-за огромных просторов, удалённости достопримечательностей, обилия заснеженных гор и озёр, большинство маршрутов относятся к категории «экспедиционных». Туристы проводят основное время в

транспорте, а главные угрозы – это суровые условия высокогорья и дикие животные.

А экспедиционные Путешествия обычно считаются лишь «сложными». Вот и этот маршрут по Северному Тибету, включающий руины Шангшунга и Маленький Лесной Храм, – большая редкость. Для Дин И это Путешествие – настоящая удача. Похоже, его везение сравнимо разве что с тем, как Бин Цзю получил «Пьянящую Красоту Западного Хунаня». Неудивительно, что многие гильдии гидов заинтересовались им.

А вот участники крупных команд, если не использовать специальные методы, не смогут попасть в Путешествия низкого уровня. Например, если вся команда «Возвращение» отправится в путь вместе, им доступны будут разве что ежегодные праздничные спецмаршруты, редчайшие сверхопасные Путешествия и маршруты тридцатой параллели.

Поэтому крупные команды чаще действуют раздельно – так они могут отправиться почти в любое сверхопасное Путешествие.

То, что Ван Пэнпай проник в сверхопасную «Пьянящую Красоту Западного Хунаня», уже считалось нарушением границ. На нём были наложены печати Маошаньской школы, слой за слоем, буквально как в игре на убийства, искусственно понижая его силу до высокого уровня.

А то, что Ань Сюэфэн смог попасть в сложное Путешествие, превратившись в снежного барса без намёка на человеческое сознание, и вовсе было крайне рискованно.

Но крупные команды всё же простирают щупальца своего влияния на Путешествия среднего и низкого уровней. Ведь даже там можно найти ценные зацепки. Например, Ловец Снов получил видеозапись с координатами пещеры Шамбалы благодаря путешественнику, которому он когда-то помог, – тот случайно обнаружил её в опасном Путешествии.

Но добыть подобную информацию в Путешествиях среднего и низкого уровней можно практически лишь через выполнение побочных задач. Вот только для путешественников такого уровня это крайне сложно. Именно поэтому Вэй Сюнь привлёк внимание множества наблюдателей из крупных команд.

Новичок! Невероятный талант! С первого же Путешествия выполнил первую часть побочного квеста, добыв позолоченный череп с серебряным узором и мокрую мумию с головой орла! Да ещё и не полагался на команду, действовал самостоятельно!

Это же уникальный ресурс! Вэй Сюнь – чистый новичок, и хотя с его текущим уровнем достичь вершины – лишь вопрос времени, прежде чем он поднимется наверх, он пройдёт ещё немало сложных и опасных Путешествий. И если каждый раз он будет выполнять побочные квесты, то станет настоящей ходячей сокровищницей!

Конечно, если крупные команды следят за новичками-путешественниками, то гильдии гидов также присматриваются к новым гидам – здесь та же логика. Но, честно говоря, новые гиды ещё менее перспективны, чем новички-путешественники.

Гидами становятся лишь те, кто находится на грани смерти. По идее, они должны изо всех сил исследовать новые локации, зарабатывая очки и продлевая свой отсчёт до смерти. Но ведь гиды получают очки, когда умирают путешественники.

Что выбирают: рисковать собой, чтобы продлить жизнь, или отправлять на смерть чужих, чтобы спасти себя?

Те, кто сохраняет доброту и не может давить на путешественников, идут на риск – и большинство из них погибает.

Те же, кто выбирает лёгкий путь, угнетая путешественников, выживают чаще.

Гидам изначально предоставлен высокий статус и привилегии – в отличие от путешественников, угнетаемых и гидами, и самими Путешествиями. Поэтому гиды редко идут на риск.

Ведь исследование новых локаций означает опасность. Новые гиды слабы, у них мало титулов, скудный арсенал, мало очков. Чтобы повысить силу, им остаётся лишь сокращать отсчёт до смерти и идти на риск. Но изначально они попали в «Агентство» именно для того, чтобы продлить этот отсчёт.

А теперь, ради очков, им приходится сознательно приближать свою гибель? Разве это не безумие?

Перед лицом смерти все эгоистичны. Если бы они и правда ничего не боялись, они не прошли бы проверку на инстинкт выживания и не получили бы статус кандидатов в гиды.

А те, у кого инстинкт выживания слишком силён, в этом искажённом мире рано или поздно либо погибнут, либо падут, слившись с тьмой.

Дин И был редким исключением – амбициозным гидом низкого уровня, сумевшим привлечь внимание гильдий. Если бы он действительно открыл новую локацию, многие крупные гильдии протянули бы ему руку дружбы.

Даже несмотря на то, что Вэй Сюнь играл им как пешкой, Дин И, в критической ситуации, ринулся добывать чёрный нефритовый череп при помощи крюка, чем заслужил уважение некоторых старших гидов.

Дин И был жесток – к другим и к себе. Жестокие гиды имеют перспективы. А жадные и амбициозные люди легко управляемы.

Если бы Дин И впоследствии не совершил глупость, поднеся золотой ларец наследнику Орлиной Флейты, возможно, ещё больше гидов оценило бы его.

– Дорогой, как ты думаешь, Дин И действительно так глуп? – кокетливая женщина в пурпурном плаще подняла подбородок служанки, смеясь и покачиваясь от хохота.

– Он и вправду осмелился показать ларец наследнику Орлиной Флейты? Тот, едва увидев лицо Дин И, даже не дал ему слова сказать – тут же прогнал. По-моему, Дин И уже в чёрном списке наследника.

Женщина, подобно тому как забавляются с кошкой, пощекотала подбородок служанке, грациозно развалившись на диване. Её тело, словно созданное с идеальными пропорциями, расслабленно растянулось, а рука поддерживала голову. Полные губы изогнулись в обольстительной улыбке:

– Или же Дин И на самом деле играет в высшей лиге? Мне даже захотелось забрать его к себе, чтобы развлекаться с ним как с шутком. Отлично бы сочетался с Призраком-Волос Бин-49, не правда ли?

- Бин-49, как ты думаешь? - кокетливо спросила роскошная женщина.

Её покои, напоминавшие дворец, были заполнены не только множеством служанок, но и бесчисленными манекенами, застывшими в самых разных позах. Эти куклы, одетые в разнообразные наряды, выглядели настолько реалистично, что казались живыми.

Слева три манекена в средневековых платьях сидели за белоснежным столиком, будто наслаждаясь послеполуденным чаепитием. Справа же стояли фигуры в костюмах моряков и капитанов, словно готовившиеся к отплытию. Их было так много, что они заполняли собой всё пространство, и взгляд терялся в их бесконечных рядах.

В отличие от служанок, чьи движения выглядели естественными, но чьи мутные глаза выдавали их природу, манекены не шевелились. Однако их зрачки были живыми - лишь иногда поворачиваясь, они источали ледяное безразличие.

- Вы правы, я лишь жалкий шут для вашего развлечения, - раздался одновременно со всех кукольных голов мужской голос, звучавший почтительно, но сквозь который пробивалась боль.

Превращение в чудовище, а затем разделение на сотни частей, ставших париками для манекенов, было не только физической пыткой для Призрака-Волос Бин-49, но и унижением, втоптавшим его достоинство в грязь.

Но он дважды потерпел неудачу, и наказание было неизбежным.

- Мне правда любопытно, Бин-49, как тебе удавалось так ловко скрывать свою никчёмность? - женщина притворно удивилась. - Среди Союза Пастухов ты был одним из тех, кого я вырастила. Но посмотри на себя - ты не можешь сравниться даже с Бин Цзю, не говоря уже о том, чтобы найти Бин 250. Неужели я, Кукольница, ошиблась, и ты заслуживаешь лишь того, чтобы быть париком для моих кукол?

В отличие от Бин Цзю, который прославился, открыв новую достопримечательность на 30-м градусе северной широты в "Пьянящей Красоте Западного Хунаня", Бин-49 едва выжил там же, став посмешищем.

Парики не осмеливались ответить. Каждый волосок дрожал от страха, будто эта прекрасная женщина была самым ужасным демоном.

- Сколько Праздник Года, и снова придётся встречаться с той стервой Чёрной Вдовой. Говорят, к ней присоединился Дьявольский Торговец, новичок, возглавляющий список звёзд-гидов в Западном районе. На празднике он будет стоять у неё за спиной. У неё - Дьявольский Торговец, а я хочу Бин 250. Не слишком ли я прошу?

- Шутник уже несколько лет игнорирует финальные торжества, Ловец Снов не любит общество, а я, как гид категории А Восточного района, должна сохранить лицо. Так ведь? - томно продолжила Кукольница, играя с маникюром.

- Но если ты настолько безнадёжен, мне придётся отправить тебя за головой Вэй Сюня. Этот "сильнейший новичок", - она усмехнулась. - Многие большие команды хотят заполучить его. А я пригляделась к его голове - она идеально подошла бы для одного из моих манекенов.

- Ох... - Кукольница вздохнула с преувеличенной заботой. - Я была так добра к тебе. Сначала я хотела, чтобы за моей спиной стоял гид, способный попасть в список "Возвращения". Но ты проиграл Бин Цзю. Потом я желала видеть там Бин 250, но ты и его не нашёл. А теперь я всего

лишь хочу новую куклу – Вэй Сюня. Бин-49, ты справишься?

– Клянусь выполнить задание! – голос Бин-49 прозвучал решительно. Каждый волосок на головах манекенов, казалось, излучал непоколебимую решимость.

– Вот и славно.

Изысканные пальцы Кукольницы дёрнулись, и все парики сорвались с манекенов, сливаясь в огромное, пульсирующее чудовище из тысяч спутанных волос, скрипящих и шевелящихся. Вид его был настолько отвратителен, что мог лишить рассудка.

Она лениво швырнула в него бутылочку с эликсиром восстановления здравомыслия, и существо наконец приняло человеческую форму.

– Ты должен пробраться в то Путешествие раньше других команд и принести мне голову Вэй Сюня, – Кукольница рассмеялась, хлопая в ладоши. – Если и с этим не справишься, твоим единственным предназначением станет парик для Дин И. Вы сможете дуэтом развлекать гостей на празднике.

При этих словах Бин-49 побледнел и содрогнулся. Не смея возражать, он лишь поклонился и исчез.

Перед тем как покинуть Виртуальный Зал, он бросил последний взгляд на экран трансляции и увидел, как Вэй Сюнь, покинувший группу, уже нашёл скрытый проход к древнему дворцу Шангшунга.

Время откатилось назад, к моменту, когда Дин И заставлял Юэ Чэнхуа и других есть рыбу на завтрак. Тогда Вэй Сюнь уже ушёл вперёд.

Ловкий, как горный козёл, он следовал за снежным барсом по крутым склонам, быстро исчезая из виду.

Царство Шангшунг было построено у подножия горы Цюнцзун, которая, в свою очередь, находилась в хребте Даосинь. Дорога к руинам петляла между скал, и из-за множества каменных завалов приходилось делать большой крюк.

Путь в гору составлял около двадцати километров: пятнадцать – по тропам у подножия и ещё пять – вверх, к главным развалинам.

Обычным путешественникам, обременённым грузом, требовалось более двух часов, чтобы преодолеть этот маршрут – скорость, сравнимая с форсированием реки Дадухэ армией Красных.

Но у Вэй Сюня не было таких проблем. Вместе с барсом он шёл короткой тропой, где хищники не осмеливались приближаться. Одержимость духом лисы и наблюдения за движениями снежного барса помогали ему в пути.

Превратиться в барса – отличная идея. Вэй Сюнь ценил редкую возможность понаблюдать за диким зверем. Если упустит её, в следующий раз увидеть снежного барса можно будет только в зоопарке.

Тибетские горы суровы. Несмотря на растущую коммерциализацию, отдалённые хребты севера Тибета оставались почти нетронутыми. Тропа, по которой вёл барс, едва заслуживала названия

"дороги".

Позади открывались обрывы в сотни метров, от одного взгляда вниз кружилась голова. Редкая растительность и безжизненные пейзажи под хмурым небом создавали ощущение, будто это забытый богом уголок мира, где остались только он и барс.

Но на крутых склонах Вэй Сюнь обнаружил следы человеческой деятельности – пещеры, словно пчелиные соты, высеченные в скалах. Внутри они были тесными, едва вмещающая взрослого мужчину в сидячем положении.

В некоторых, более глубоких, на стенах сохранились высеченные узоры и письма. Большинство из них стёрлось, но чётко выделялись красноватые символы свастики.

Это были пещеры для медитаций последователей бон – древней тибетской религии. Её адепты стремились к единению с природой, считая, что чем выше и труднее место для практики, тем ближе к просветлению.

Чем выше поднимался Вэй Сюнь, тем больше находил он пещер с сохранившимися символами. А у самого вершины он обнаружил наскальные рисунки.

В отличие от примитивных изображений, здесь были детализированные сцены: человек в головном уборе из перьев и одежде с множеством лоскутов стоял перед грудой костей животных, словно совершая ритуал.

Позади него располагались перекрещенные линии, напоминавшие лестницу. На её вершине были изображены солнце, луна и божества.

- Вероятно, шаман бон приносит жертву небесным светилам, – пробормотал Вэй Сюнь, присев в тесной пещере.

Он уже собирался уходить, когда заметил, что снежный барс, заинтересовавшись, протискивается внутрь. Конечно, такому крупному зверю здесь явно не хватало места.

И, как раньше, когда Вэй Сюнь заходил в пещеру, снежный барс, обнаружив, что размер пещеры им не подходит, начал мягко подталкивать его головой, касаясь плеча.

- Подожди немного, я ещё осмотрюсь, – небрежно ответил Вэй Сюнь.

Возможно, из-за долгого времени, проведённого со снежным барсом, а может, из-за титула «Дикий Дух», он всё лучше понимал его мысли – барс считал, что Вэй Сюнь ищет подходящее место для логова.

Действительно, в дикой природе снежные барсы обычно устраивают свои логова в пещерах или расщелинах скал. Они выбирают постоянное жилище и могут оставаться в нём несколько лет, так что выбор места крайне важен.

Барс, как опытный дикий зверь, естественно, считал, что Вэй Сюнь выбирает плохие места для логова. И раз за разом он терпеливо пытался направить его к солнечным склонам, подальше от людей, в безопасные и удобные для снежных барсов места.

Главное – чтобы поместились двое.

Вэй Сюнь гораздо терпеливее относился к диким животным, чем к людям. Кто мог устоять

перед чистой, красивой и величественной большой кошкой? Он обожал крупных кошек – его мейн-кун дома и так был самым крупным среди котов, а Сяо Сюэ (Маленький Снег) идеально попадал в его вкус.

- Пошли.

Ласково потрепав барса за ухо, Вэй Сюнь вышел из пещеры и последовал за ним на вершину горы.

Сверху открывался потрясающий вид: вдаль тянулись тёмно-коричневые горные хребты, а две вершины возвышались в центре, не соединяясь с остальными горами, их голые скалы выделялись, как журавль среди кур.

Это была гора Цюнцзун, на которой сохранились руины древнего царства Шангшунг. Вэй Сюнь разглядывал развалины: на восточной и западной сторонах горы виднелись остатки массивных каменных стен, а дальше – глиняные строения.

С момента подъёма прошло всего сорок пять минут седьмого утра, и до сбора в половине одиннадцатого оставалось ещё много времени.

Потомок орлиной флейты сказал, что Амала живёт в палатке на склоне Цюнцзуна, но Вэй Сюнь не спешил к ней. Он развернул карту-танку, тонкую, как крыло цикады, сравнивая её с руинами.

Хотя потомок флейты утверждал, что это карта подземного прохода из дворца царя Шангшунг к Водному Пути Драконьего Бога, на ней были нанесены и другие детали древнего царства.

Однако карта оказалась крайне абстрактной, без чётких обозначений, как на современных картах. Вэй Сюнь смог разглядеть только одно выделенное здание, вероятно, храм – под ним были нарисованы девять свастик, а также жутковатые символы: черепа, странные глаза, горизонтальные человеческие фигуры, яйцеобразные шары и прочее.

Но сопоставить места с карты и реальные руины оказалось почти невозможно – за тысячу лет дождей, ветров и землетрясений (озеро Дангрэн-Юнцэ находилось в сейсмоопасной зоне) развалины сильно пострадали.

- Эх, если бы Сюй Ян был здесь...

Оглядывая остатки царства, сливающиеся с землёй, Вэй Сюнь вздохнул.

Внезапно он поднял передние лапы барса, проверяя его вес.

Барс: ??

- Мне кажется, ты всё ещё недостаточно тяжёлый.

Поднять барса у него не вышло – учитывая его размеры, он весил около восьмидесяти килограммов.

Но этого было мало.

- Жаль, что сюда нельзя загнать грузовик.

Он искренне сожалел, не осознавая, насколько безумно это звучало.

- Если под землёй есть проход, он бы точно проявился от давления.

Многие древние руины были обнаружены именно так - например, когда грузовики, перевозившие материалы для реконструкции храма, провалились в огромную яму, открывшую древнее подземное святилище. Или когда талибы взорвали гигантскую статую Будды в Афганистане, заодно обнажив множество древних текстов и руин.

Но у Вэй Сюня не было ни грузовика, ни взрывчатки, так что искать скрытые проходы своим весом оказалось бесполезно.

Однако он нашёл выход: осторожно отвернувшись от барса, он достал лисёнка-хорька и позолоченный череп.

- Ну-ка, понюхай и ищи, - ласково сказал он.

Нельзя же заставлять осла крутить мельницу без награды, так что он добавил:

- Если найдёшь, я дам тебе косточку.

Он с печальным видом добавил:

- Позолоченную. Из рыбьего брюха.

Хорёк: ??

Что поделать - сам выбрал хозяина. Пришлось смириться. Хорёк выскользнул из рук Вэй Сюня и мгновенно исчез среди руин.

Вэй Сюнь же продолжил бродить по развалинам со снежным барсом, время от времени сверяясь с картой. Вскоре он по интуиции направился к тому месту, где, как ему казалось, должен был быть храм.

Местность оказалась сложной - всюду обвалившиеся стены, трещины от землетрясений, рыхлые камни, готовые рухнуть в любой момент. Барс, оказавшись в незнакомом месте, вёл себя настороженно и шёл впереди, выбирая безопасный путь.

Но Вэй Сюнь намеренно ступал на ненадёжный грунт и трещины. После нескольких неудачных попыток направить его барс сдался и просто продолжал осторожно идти вперёд, а Вэй Сюнь следил за ним, чтобы тот не провалился.

Усилия не пропали даром. Возможно, потому что они были путешественниками из Ужасающего Глобального Тура, а этот маршрут относился к типу «раскрытия тайн», им было проще находить древности, чем археологам, которые годами копались в архивах.

Примерно через полчаса, когда хорёк сообщил, что нашёл потайной проход, Вэй Сюнь проходил мимо низкой каменной стены. Он заметил трещину у её основания и намеренно пошёл туда, проваливаясь с каждым шагом.

Но на этот раз земля под ним обрушилась всерьёз.

Прежде чем он успел сориентироваться, барс, увидев опасность, бросился к нему, но его прыжок также разрушил землю под лапами.

- Да это же тройной успех!

Вэй Сюнь сначала успокоил барса, а потом обрадовался.

Хорёк обнаружил проход выше в скале, скрытый под камнями. Через его глаза Вэй Сюнь увидел, что там лежали высохшие тела без голов, а стены были покрыты яркими, шокирующими фресками.

Провал, вызванный барсом, оказался небольшим подземным пространством за стеной, вероятно, бывшей тайной комнатой. Там стояла странная двуликая статуя – полностью чёрная, только с тремя золотыми глазами, далёкая от буддийских канонов, скорее зловещая.

- Ты просто молодец.

Не скупясь на похвалу, Вэй Сюнь угостил барса вяленой ячьей грудинкой, а потом вместе с ним отправился к месту, куда провалился сам.

Оно должно было быть близко к храму, указанному на карте.

Стены здесь выглядели более искусственными, с каменными плитами, словно для маскировки.

Но ни одна из находок не походила на храм.

И тут Вэй Сюнь почувствовал предвкушение.

Дождавшись, когда рассеется затхлый воздух, он заглянул вниз...

И увидел яркие, откровенные фрески.

На них не было религиозных ритуалов или поклонения горам.

Там были обнажённые мужчины и женщины, переплетённые тела, боги, драконы, рыбы и странные звери.

Это оказалась фреска, изображающая групповые практики...

<http://bllate.org/book/14683/1309015>